

Глава 2. Великие политэкономические заблуждения

*Каждое заблуждение проходит три стадии:
на первой оно вызывается из небытия,
на второй его не хотят признавать,
на третьей с ним ничего не поделать.*
Грилларцер¹

В истории имеется много примеров, иллюстрирующих, как экономическая политика в большей или меньшей степени не достигала цели. В основе всех этих случаев лежало неверное представление о том, как функционирует экономика, как в народном хозяйстве возникают основополагающие взаимозависимости. При этом центральным звеном заблуждений часто было ложное представление о том, как люди будут реагировать на устанавливаемые условия (правила) хозяйствования.

Обобществление средств производства

Великие заблуждения длятся десятилетиями, пока не наступит историческое прозрение и не обнаружится их ошибочность. Сначала, когда новая экономическая идея постепенно прокладывает себе путь, ситуация часто на короткое время улучшается; это длится до тех пор, пока ее ошибочность и полная неосуществимость не станут очевидными. То, что ошибочность идеи удастся обнаружить не сразу, связано со многими причинами: воодушевление новыми идеями помогает преодолевать возникающие неприятности, которым легко и охотно находят кажущиеся рациональными объяснения. Так, можно кое-что сваливать на тех, кто в старой преобразуемой системе все делал неправильно. Помогает также нахождение внутреннего или внешнего козла отпущения, на которого можно возложить ответственность за ошибочное направление развития. В крайнем случае,

¹ Франц Грилларцер (1791–1872) – австрийский поэт.

для обеспечения сплоченности общества внутри страны можно использовать войну, как бы цинично это не звучало. Но и помимо этого политик имеет много инструментов для того, чтобы прикрыть свои неудачи и отодвинуть на время отрицательные эффекты. Например, можно приукрасить статистические данные и ввести в заблуждение коллективное сознание. И наконец, надо учитывать, что эрозия производственного потенциала экономики не сразу становится очевидной.

Выдающимся примером великого политэкономического заблуждения была легенда о коммунистическом централизованном планировании. Проникшись идеей справедливости, национализировали средства производства, организовали все народное хозяйство по единому централизованному плану, ликвидировали частную собственность. В промышленности предполагалось использовать эффект снижения затрат при укрупнении производства. Людей освободили от необходимости принимать решения по экономическим и политическим вопросам. Во времена сталинизма они даже не могли выбирать свое место жительства и вид работы. Тем самым были подавлены все индивидуальные стимулы. У кого в такой системе мог быть кровный интерес производить качественные блага? У кого были побуждения сберегать и инвестировать, создавать новый капитал и закладывать, тем самым, основы будущего для себя и своих детей? Все экономические стимулы были задавлены государством – левиафаном; все покрылось безразличием.

Система всеобщего централизованного планирования столкнулась с необъятной и неразрешимой информационной проблемой. На стадии составления народнохозяйственных планов предприятия, обязанные сообщать «наверх» о своих производственных возможностях и потребностях в материалах, были заинтересованы запрашивать побольше средств производства и в то же время брать на себя поменьше обязательств по выпуску продукции. Это облегчало руководителям предприятий выполнять централизованные планы и предотвращало придирки, выговоры и разного рода штрафные санкции вплоть до отправки в сибирские лагеря. В результате орган централизованного планирования получал от предприятий полностью искаженную информацию. На стадии выполнения плана никто не гарантировал, что товар найдет своего потребителя, а потребитель – искомый товар. Потрясающей была основная цель социалистической экономической политики – обеспечить всеобщее

«товарное покрытие», т. е. доставить в нужное время и место нужные товары в нужном количестве и качестве. Если экономическая политика направлена на достижение такой цели, то это верный признак, что в действительности «товарного покрытия», как правило, не будет.

Однако ложные производственные стимулы, недостаток информации, сложные проблемы координации – это еще не все; в системе отсутствовали инновационные стимулы, как то: поиск новых технологий и новых видов продукции, готовность использовать открывающиеся новые возможности, даже если они связаны с риском.

Если в 30-х гг. в России индустриализация обеспечила статистически отмечаемый экономический рост, а вторая мировая война прикрыла основополагающие системные недостатки плановой экономики, то в 70-е и особенно в 80-е годы неэффективность коммунистической системы централизованного планирования становилась все более очевидной. Благодаря развитию средств массовой информации, способных беспрепятственно пересекать границы и проникать за «железный занавес», усилился демонстрационный эффект. Открытость западных обществ обнаружила свое превосходство не только в экономических инновациях, но и в новом стиле жизни, например, в моде или в музыке, который, спонтанно зародившись в среде западной молодежи, со временем перенимался на Востоке.

Это соревнование социально-экономических систем является примером институционального соревнования, в котором государства с различными политэкономическими парадигмами и институциональными правилами находятся в явной или неявной конкуренции. Разумеется, что такое соревнование действенно лишь тогда, когда для людей, осознавших на основе демонстрационного эффекта внешнего мира необходимость преобразований, существует возможность подать свой голос и заявить о своем недовольстве, вынуждая общественную систему измениться. Так произошло в некоторых странах, например в Польше и Венгрии, где в 80-х годах открытая критика политической системы пробила себе дорогу. Или заинтересованные в преобразованиях люди могут «голосовать ногами» и повернуться к своей стране спиной, как это случилось в конце 80-х годов в бывшей ГДР.

Прошло не мало времени, пока скрытый в коммунизме эффект кобры вышел на свет божий, пока эрозия его производственных способностей стала очевидной. Поэтому нужно учитывать, что от

заблуждений избавляются постепенно и долго, что движение по ложному пути порождает зависимости, осложняющие выход на правильную дорогу.

Централизованное планирование является уже примером из учебника истории. Но можно привести современные примеры ошибочного управления. Даже в нашем народном хозяйстве, например, в сфере здравоохранения, социального страхования в целом, да и в области высшего образования существуют проблемы стимулирования, информации, координации и инноваций, хотя они не так острые, как при централизованном планировании.

Между тем такие экономисты, как Людвиг фон Мизес², еще в конце 30-х гг. XX в. предсказывали неэффективность плановой системы и предвидели рост интенсивности интервенций государства в экономику по «теории нефтяного пятна». В соответствии с этой теорией вмешательство государства в экономику распространяется как нефтяное пятно в грунтовых водах: введение государственного регулирования в одной сфере влечет за собой регулирование других. Когда устанавливается верхний предел цены на хлеб, пекари переключаются на сдобу; если будет введена предельная цена и на сдобу, то они вместо этих двух изделий будут производить печенье, пока и на печенье не будет установлен предел цены. Со временем придется также устанавливать государственные цены на муку и труд. Похожее случилось после установления нижнего предела цен в рамках европейской аграрной политики: образовались молочные озера и сахарные горы, так что пришлось дополнить политику цен введением количественных ограничений на объемы производства сельскохозяйственной продукции.

Прощай, планирование

Представление о необходимости национализации важнейших средств производства играло большую роль и в Германии после второй мировой войны. Военные годы приучили думать в категориях «регулируемой экономики» и в начале 60-х годов в университете Кельна читались лекции по курсу регулируемой экономики (*economie dirigee*). В 1947 г. программа ХДС в британской зоне Германии содержала требование национализировать горнодобываю-

² Людвиг фон Мизес (1881-1973) – экономист «австрийской школы».

щую, сталелитейную и другие крупные отрасли промышленности. До проведения денежной реформы необходимо было иметь мужество или, по крайней мере, твердо верить в эффективность рыночного механизма, чтобы освободить цены. Известен анекдот, в соответствии с которым, тогдашний директор департамента экономики в англо-американской зоне Людвиг Эрхард перед введением немецкой марки предложил американскому верховному комиссару генералу Клею отменить регламентирование цен и генерал сказал: «Мои советники говорят, что Вы собираетесь совершить большую ошибку», на что Эрхард ответил: «Не волнуйтесь, генерал; мои советники говорят мне то же самое». Принятие рыночной экономики проходило трудно. Только в 1959 г. на годесбергском съезде СДПГ было принято основополагающее решение о рыночной экономике. Но еще и в 70-х годах в Германии существовало мнение, в том числе и в научных кругах, о необходимости государственного регулирования инвестиций.

Во Франции концепция планирования играла большую роль вплоть до 80-х годов. Комиссариат по планированию разрабатывал пятилетние народнохозяйственные планы. План представлял желаемое развитие таких макроэкономических показателей, как темп роста ВВП, норма накопления, инфляция, занятость и отраслевая структура. Он не был обязателен для предприятий и выполнял индикативную функцию. Предприятия должны были на него ориентироваться, например, при определении своих инвестиций. Значимые сектора экономики были национализированы и для государственных предприятий план был обязательным. Деятельность негосударственных предприятий направлялась на достижение запланированных показателей селективно действующими инструментами такими, как налоги и процентные ставки, а также инвестиционными заказами государства. Чтобы направить на выполнение народнохозяйственного плана деятельность негосударственных предприятий, применялись выборочно действующие инструменты такие, как мероприятия налоговой и процентной политик, инвестиционные заказы.

Франция хотела, чтобы такие формы хозяйствования использовались и в Европейском Союзе, но это коренным образом противоречило немецкой ориентации на сильно развитое рыночное хозяйство, которое, в конечном счете, и было введено в объединенной Европе. Сегодня можно задаться вопросом, смогла бы западная

Европа сохранить и укрепить свою международную конкурентоспособность, если бы был выбран французский путь; был бы для прежних коммунистических стран центральной и восточной Европы образ западной Европы столь же привлекателен. Возможно, централизованное планирование в этих странах просуществовало бы значительно дольше; и возможно, коммунизм не потерпел бы крах или это произошло бы не так скоро. Во всяком случае, политэкономическая философия во Франции изменилась: сегодня там тоже происходит масштабная приватизация.

В слабо развитых и развивающихся странах идея централизованного планирования до конца 80-х годов тоже была в фаворе. Многие элиты молодых стран воспитывались в Москве. Русская модель гарантировала руководству развивающихся стран долготельную власть, не то, что в демократических странах, в которых ротация правительства и оппозиции является нормальным средством контроля за властью и уменьшения имеющих долгосрочные последствия ошибок. Отсюда проистекала вера экономистов в возможность планирования общественного развития и осуществимость экономического роста. Так планирование в Индии основывалось на многосекторной модели типа input-output, посредством которой пытались охватить межотраслевые взаимосвязи народного хозяйства. Только в 80-х и 90-х годах с крушением коммунистической системы изменилась экономико-политическая парадигма и развивающихся странах.

Потерянное десятилетие Латинской Америки

Идея Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) уравнивать международное разделение труда «сверху» была такой же ошибкой, как централизованное планирование внутри стран. Общность основополагающей идеи очевидно: эффект снижения затрат от укрупнения производства нужно использовать не только в национальном, но и в мировом хозяйстве. Тезис: если все холодильники производить в одном месте, то издержки снизятся. Следовательно, нужна специализация между странами: Венгрия производит автобусы, Чехословакия – трамваи, а Восточная Германия – вагоны для транссибирской железной дороги. К сожалению, в таком сверху установленном разделение труда отсутствовал один элемент динамичной экономики: конкуренция

между предприятиями, которая выполняет важную функцию – выявляет новые технические и экономические решения. Как отметил Хайек³, конкуренция есть двигатель открытий, механизм, который побуждает к решениям, снижающим затраты. Официально декларированная или государством утвержденная специализация стран-членов СЭВ исключала конкуренцию во многих отношениях и не только между коммунистическими странами, но и между западными странами, так как страны-члены СЭВ были исключены из международного разделения труда. Поэтому восточный блок не знал истинное соотношение между ограниченностью различных видов ресурсов.

Ложное разделение труда существовало не только между странами-членами СЭВ. Латинская Америка тоже потерпела фиаско в своей внешнеторговой ориентации. Потерянное десятилетие 80-х годов, во время которого реальные доходы на душу населения снижались ежегодно на 1 процент, не в последнюю очередь связано с ошибочной внешнеторговой ориентацией. В начале 50-х годов Singler и Prebisch⁴ выдвинули тезис, что показатель реальных условий обмена, так называемый «term of trade», развивающихся стран по ряду причин постоянно ухудшается и поэтому эти страны вынуждены экспортировать все больше своей продукции для поддержания определенного объема импорта. Получается, что они производят все больше продукции, но это есть «порождающий бедность» рост, при котором благосостояние не увеличивается; таков был их тезис.

На основе этого интеллектуалы Латинской Америки проводили политику импортозамещения, в соответствии с которой отечественная продукция должна была заменить импорт. Но до тех пор, пока отечественные заменители импорта не станут конкурентоспособными на мировом рынке, отечественные производители должны были быть защищены ввозными пошлинами. Это напоминало идею немецкого экономиста XIX в. Листа⁵, провозгласившего необходимость защиты молодых отечественных отраслей посредством импортных пошлин.

³ Фридрих фон Хайек (1899-1992) – один из экономистов «австрийской школы», лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г.

⁴ См. Siebert H., *Aussenwirtschaft*, 7. Auflage, Stuttgart 2000, S. 160.

⁵ List, *Der internationale Handel, die Handelspolitik und der deutsche Zollverein*, Stuttgart 1941

В начале казалось, что эта стратегия себя оправдывает. Но в результате такая политика настолько защитила отечественную экономику, что ее международная конкурентоспособность оказалась утерянной. Совершенно иной подход был у стран Юго-Восточной Азии; они включили в международную конкуренцию как экспортные отрасли, так и отрасли, производящие продукцию для замещения импорта, хотя некоторые из них, например, Южная Корея, стимулировали экспорт посредством льготных кредитов. Несколько других ошибок, допущенных в 70-х годах в Латинской Америке, – популистская экономическая политика, вызвавшая монетарную нестабильность, большой внутренний долг государства и неудержимый рост внешней задолженности, использовавшаяся не для инвестиций, а для потребления, – привели в 80-х годах к дефолту и краху этой системы. Экономико-политическая идея оказалась ошибочной и также, как в коммунистическом планируемом хозяйстве, от нее горько пострадали люди. В Латинской Америке это длилось целое десятилетие.

Английская болезнь

В 60-х годах в Великобритании возникла ситуация, когда ни одна из целей экономической политики не была достигнута; крайне необычное положение и очень скверная исходная экономическая позиция. Экономика развивалась вяло, оживления не отмечалось и не ожидалось. Инновации, которые могли бы двинуть народное хозяйство вперед, не появлялись. Одновременно господствовала инфляция, так что страна познакомилась с новым экономическим феноменом – стагфляцией, которая означает сочетание экономического застоя (стагнации) с высоким темпом роста цен. Развитие инфляции сопровождалось жесткими переговорами о номинальной заработной плате, которые часто прерывались забастовками.

Британская экономика была неконкурентоспособной на мировом рынке, и счет текущих операций платежного баланса был отрицательный. Это означало, что притязания британской экономики, превышали ее производственные возможности, потребление превышало производство. Рост цен внутри страны сдерживал экспорт, и английский фунт стерлингов оказался под угрозой обесценения. В 1967 г. он был девальвирован. Великобритания, как сегодня некоторые развивающиеся страны, была

вынуждена в 50-70-х гг. неоднократно обращаться за помощью в МВФ, чтобы покрыть дефицит по счету текущих операций. Такое неприятное положение получило название английская болезнь. Ее причины кроились в структурных слабостях британского народного хозяйства, которые, в свою очередь, были порождены неправильным институциональным механизмом его регулирования. Необходимо было выбрать новые ориентиры, учитывающие изменившиеся условия, в частности, утрату положения колониальной державы, и в этих условиях сориентировать экономику на международную конкуренцию.

Миттеран и политика спроса

В 1981 г. социалист Миттеран был избран французским президентом. Его экономическая программа предусматривала политику, которая должна была придать экономике большую динамику посредством увеличения государственных расходов, в том числе, за счет дефицита госбюджета. Затем она была дополнена мощными элементами перераспределения национального дохода и сочувствием экспансионистской политике заработной платы. Уже через два года обнаружилось, что концепция не реализуется. Госбюджет и счет текущих операций оказались дефицитными, инфляция возросла. Французский франк должен был девальвироваться по отношению к немецкой марке. Только ожидаемая динамика не хотела появляться.

Наглядное сравнение с валютой непосредственного соседа хорошо показывало необходимость корректировки политического курса. Девальвация отчетливо показала французам, что политика Миттерана не верна, особенно в сравнении с Германией. При этом финансовые рынки сыграли решающую роль арбитра. Они не доверяли концепции Миттерана и оценили ее отрицательно; портфельные инвестиции покинули Францию, что, в конечном счете, вынудило девальвировать франк. Так Миттеран с горечью узнал, что значит потерять доверие капитала к экономической политике страны, и правоту изречения: «Капитал имеет память слона, сердце кролика и быстрые ноги газели». В 1983 г. Миттеран развернул экономическую политику на 180°. С тех пор в политике «франк вперед» центральное место заняло ограничение расходов. Несмотря

на этот опыт, Лафонтен во время своего полугодового пребывания в кресле министра финансов Германии в 1998-1999 гг. проводил схожую с миттерановской политику. Его политика была кейнсианской: государственные расходы были увеличены, чтобы стимулировать совокупный спрос. Договора о заработной плате должны были вызвать эффект спроса; поэтому требования о росте зарплаты были приняты. То, что это могло бы привести к снижению занятости, было проигнорировано. На международном уровне была озвучена мелодия координации и поддержания фиксированного обменного курса.

В 60-х годах в экономической литературе под влиянием модного тогда в Германии кейнсианства господствовало мнение, что посредством инструментов экономической политики можно управлять экономической конъюнктурой, сглаживать экономические циклы и особенно уменьшать спады. Спадом в то время считалось снижение в 1967 г. ВВП на 0,3%, (с позиций сегодняшнего дня это воспринимается как незначительная рецессия), и существовавшая тогда безработица в 1,7% (сегодня, когда она равна 9%, это вообще не считается поводом для вмешательства государства). Карл Шиллер проповедовал тогда концепцию общеэкономического регулирования, он пытался породнить макроэкономическое регулирование государства с рыночным хозяйством. Сегодня мы знаем, что возможности макроэкономического регулирования государства очень ограничены и «точная настройка» конъюнктурного цикла невозможна.

Ползучая эрозия экономики: Швеция

И наконец, в рамках нашего обозрения ошибок и заблуждений стоит упомянуть еще Швецию. По данным комиссии Линбека среди индустриально развитых стран Швеция по доходу на душу населения скатилась с 3-го места в 1970 г. на 14-е в 1991 г. В начале 90-х гг. в Швеции разразился экономический кризис, самый тяжелый с 30-х гг. К началу 90-х гг. безработица возросла в 4 раза и составила почти 8%, дефицит бюджета превысил 10% и грозил валютный кризис.

Причины шведского кризиса были разнообразны. В 80-х годах долгое время рост заработной платы опережал рост производительности труда. Инфляционное давление зарплаты и связанный с

ним рост цен вошли в конфликт со стремлением удержать стабильный обменный курс национальной валюты. В результате была утеряна ценовая конкурентоспособность на мировом рынке и прибыли предприятий снизились. Другая существенная компонента макроэкономической политики, фискальная политика, не согласовывалась с политикой стабильного обменного курса. Доля государственного бюджета в ВВП возросла с 25% в 1950 г до 70% в 1992 г.; это было связано с построением государства благосостояния. В результате экономические стимулы, обеспечивающие динамику национального хозяйства, были ослаблены.

В случае со Швецией интересно то, что начавшийся спад сначала долго не замечали; не верилось, что экономическая система разрушается. Внешний вид прекрасных зданий не позволял замечать эрозию их субстанции и необходимость ремонта. Удавалось даже длительное время еще поддерживать высокий уровень занятости.

Со временем неустойчивость фундамента экономической политики была обнаружена. Нельзя поддерживать долго то, что само не стоит. Политика не может долго противоречить экономическим закономерностям.

Снова и снова те же ошибки?

Следовало бы ожидать, что французский эксперимент при Миттеране отчетливо показал, что огня совокупного спроса недостаточно, чтобы придать народному хозяйству большую динамику. Но не проходит и 20 лет как Лафонтен предпринимает такую же попытку стимулирования спроса. Это выглядит так, как в бельгийской поговорке: «Опыт – это гребень, который нам дает природа, когда у нас уже нет волос». Очевидно, экономистам не нужно опасаться того, что в них не будут нуждаться: старые ошибки будут повторяться снова. Если некоторое утверждение не нравится, о нем стараются не вспоминать, даже в том случае, когда оно в основном подтвердилось опытом. Вероятно, хочется всегда слышать и писать в средствах массовой информации нечто новое. Конечно, этот процесс могут инициировать и сами ученые, которые из-за любопытства хотят выйти за пределы привычной парадигмы и проверить новую концепцию. Поэтому не всегда политики являются зачинателями чего-то нового. Как отмечал Кейнс: «идеи

экономистов и социальных философов – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого»⁶.

¹ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М. 1978. с. 458.